

Марина САЗОНОВА

ГАЗОВЫЙ ПЛАТОК

Рассказ

Я сижу в бабушкиной избе на дощатой скамейке, окрашенной в ярко-коричневый цвет. В скамейке видны следы от срезанных сучков, червоточины и выбоинки – в них забились сахар и мука, которые бабушка пересыпает из холщовых сумок. Эти пыльные сумки горкой навалены тут же, на скамейке. Когда я читаю по вечерам книжки за столом, я упираюсь в эти мешки локтями, как в кресло.

Рядом со скамейкой окно. И облупленный подоконник с мёртвыми мухами, шпильками и обрывками газет. Когда-то окно было с двойной рамой, защищающей горницу от стужи зимой, но однажды вторую раму сняли и так больше и не надели, и окно будто осиротело на одно стекло.

Прабабушка, Баба Соня, часто сидит на этой скамейке и смотрит в окно. Это ее почти единственная возможность глядеть на внешний мир. Она медленно перебирает засаленные уголки платка старческими пальцами с синими взбухшими венами, что-то шепчет, глядя в окно, и мне порой становится жутковато наблюдать исподтишка за этой картиной.

А иногда Баба Соня рассказывает о своем детстве и юности, глядя в то же окно. Она рассыпает сахарный песок на блюдечке, раскладывает на газете дольки свежих яблок, тычет дольками в сахар и медленно жуёт их беззубым ртом, не переставая вести свои повествования. В эти моменты я присоединяюсь к этой нехитрой трапезе, звонко и смачно жую яблоки, словно невзначай хвалясь наличием зубов, и в пол-уха слушаю ее рассказы. В рассказах много непонятного: какие-то дворовые, какие-то уголья, какие-то закладные, Баба Соня перемежает отрывки своих воспоминаний древними присказками и пословицами, смысл которых мне совершенно не ясен. В конце концов у меня каникулы, и я не обязана на каникулах что-либо

понимать. В некоторые моменты, видимо особо значимые для нее, глаза Бабы Сони краснеют, пальца начинают подрагивать, и рассказ становится сбивчивым, с частыми всхлипываниями и вздохами. Я хватаю дольки и, обильно обмакнув сахаром, сую ей почти в рот. Она тут же, как малое дите при виде соски, успокаивается, пальцы перестают дрожать, Баба Соня снова медленно перебирает руками сначала уголки платка, а потом складки юбки, и продолжает вспоминать. Некогда зажиточная семья, огромный сад, богатый дом, нарядов тьма, одних газовых платков полный сундук (на этом месте я, восьмилетняя ученица второго «А» класса, хорошистка и староста класса, впадаю в ступор, не понимая, как платок может быть газовым), строгий отец, приданое, но вот влюбляется юная Сонечка в простолюдина без кола и без двора и убегает из богатого дома с возлюбленным. Отец лишает ее всего, проклиная, и нет ей назад дороги во веки веков. Баба Соня на мгновение замолкает и глядит, не моргая, в окно; куда-то совсем мимо окна, мимо палисадника, мимо дровней под окнами, мимо дальних домов и сараев, куда-то мимо края деревни, далеко-далеко. Она смотрит и видит большой каменный дом, крыльцо с двумя колоннами, балкон, палисад, увитый плющом, и заросший шиповником, яблоневый сад вокруг дома, видит чубастого парня в мятой сатиновой рубашонке. Он стоит за высоким забором из тонких осиновых кольев и смотрит куда-то мимо яблонь, мимо палисада, мимо крыльца, на облупленный подоконник с мертвыми мухами и обрывками газет, и улыбается. Баба Соня тоже улыбается и вытирает уголком платка влажные глаза.

Становится скучно. Я придумываю, как бы улизнуть, и тут заканчиваются яблоки. Я отряхиваю липкие от сахара руки, спрыгиваю со скамьи, и с возгласом «Я за яблоками», убегая из избы. Баба Соня молча остается сидеть около подоконника, изредка причмокивая и что-то шепча.

Проверив, на месте ли нора, выкопанная мной собственноручно в песочнице у дома, покачавшись на веревочных качелях, натянутых между

двух деревьев, наевшись вяжущих ягод черемухи, я вприпрыжку убегаю в огород за домом. Покрутившись там немного и потаскав молодой морковки с грядки, в таком же детском вихре я убегаю на речку. Детская голова занята мыслями о больших рыжих муравьях, через которых надо переступить по дороге на речку, о собаке с кличкой Кузя, которая беспардонно увязалась за мной, о том, что завтра с подружкой запланирован великий поход в соседнюю деревню за орехами. Но временами в нескончаемый поток ребяческих размышлений вклинивается беззвучно жующая Баба Соня, сидящая у подоконника, и я снова начинаю удивляться, какие глупости она помнит и при этом явно привирает, ха, газовый платок, выдумает же, старая!

Вечером я, Баба Соня и бабушка садимся ужинать и пить чай с пряниками. Бабушка громко рассказывает какие-то новости, услышанные за день, так же громко осуждает Зинку, соседку, пьянчужку и хулиганку, попутно доликает себе чаю и щипцами разламывает куски сахара. Будто сама себе перечисляет, что надо сделать завтра, наливает Бабе Соне чай в блюдце, та макает каменные пряники в блюдце с чаем, посасывает их, яростно причмокивая, и невпопад поддакивает бабушке в ответ на ее новости, слегка смахивающие на сплетни. Я читаю очередную книжку, абсолютно не слушаю про Зинку, но иногда с любопытством поглядываю на Бабу Соню: она сидит без привычного платка на голове, длинные редкие седые волосы заколоты гребенкой и убраны в хилый пучок. «Баба Соня очень смахивает на бабу Ягу» - ухмыляясь, думаю я.

Перед сном мне надо ополоснуть ноги, для этого надо идти в баню в огороде. Ах да, а еще перед этим мне надо найти чистые носки в комод. Я очень люблю копаться в бабушкином комод, там можно найти много интересных и красивых изделий - старинных подзоров для кровати, расшитых наволочек, рушников с вышитыми крестиком узорами, а иногда и смешных вещей, вроде толстых панталон с начесом. Перебирая платья, платки и белье в поисках носков, я вдруг вспоминаю дневной рассказ Бабы

Сони о ее куче нарядов и сундуке с газовыми платками, пытаюсь опять по-детски возмутиться, ну что за чушь такая! Но вот я, не переставая перебирать вещи, постепенно мысленно переношусь в описанный ею дом, ступаю по скрипучим половицам, захожу в горницу: на стенах цветастые обои, в углу большие, богато украшенные иконы с лампадкой, на окнах длинные занавески с кистями. Вижу большое мутное зеркало, в зеркале - девушка с гордой осанкой, в длинной серой юбке в пол и светлой облегающей блузке с высоким воротом, густые длинные русые волосы убраны в тугий пучок, небольшие хитрые глазки смотрят ехидно и вызывающе, на лице уверенная улыбка. Ей предстоит сделать нелегкий выбор: послушаться своего отца, уже нашедшего ей подходящую пару для замужества, и жить покорно в достатке и изобилии, или выбрать любовь и уйти за любимым из этого душного дома, но жить уже иной жизнью, бедной и голодной. Что она выберет? Девушка надменно скрестила руки на груди, тонкие ухоженные пальцы явно не знают тяжелого труда. Но она уже готова отдать в жертву свою холеную, но безрадостную жизнь ради жизни с тем, кого искренне любит, вопреки его нищенскому положению. Пожалеет ли она об этом выборе однажды? Возможно, но не сейчас. Девушка глядит на себя в зеркало и знает, что сделала правильный выбор. Она поправляет на шее легкий как пушинка светло-бордовый газовый платок и уходит из дома прочь. Баба Соня...

Я замороженно застыла перед открытым ящиком комода, и очнувшись, увидела, что у меня в руках - невесомый кусок прозрачной светло-бордовой ткани с золотыми нитями, тот самый, возмутительный по своей неправдоподобности, предмет воспоминаний, тот самый газовый платок, немой свидетель беспечной сытой жизни, молодости, стремлений и желаний, свидетель выбора любви и свободы, свидетель последующих лишений и потерь, свидетель жизни поколений, неизменно переплетающихся во времени и пространстве...

«Нет, - мотаю сама себе головой, - Баба Соня не похожа на бабу Ягу, совсем не похожа». Нахожу чистые носки, быстро прячу прозрачный платок в карман и привычно убегаю в баню мыть ноги, попутно прикидывая, как поступила бы я, если бы пришлось делать такой же выбор. Но мысли как-то скоро и незаметно убегают в другую сторону, и уже укладываясь в кровать, я всецело погружена в план завтрашнего обдирания орешника. Глаза закрываются, я засыпаю, но детская рука крепко сжимает спрятанный под подушкой тот самый газовый платочек Бабы Сони.